

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.78.48.010

Театральная педагогика как средство ресоциализации несовершеннолетних осужденных

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);

главный научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,

Астраханский государственный университет,

414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;

e-mail: novikov.pra vo @ mail.ru

Ноздрина Наталья Александровна

Доктор педагогических наук, доцент,

доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,

Брянский государственный технический университет,

241035, Российская Федерация, Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7;

e-mail: nozdrina.natalye @ mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;

e-mail: sdn10.70 @ mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается применение театральной педагогики как эффективного инструмента ресоциализации несовершеннолетних осужденных, чья идентичность деформирована нормами криминальной субкультуры. Автор анализирует феномен эмоциональной эмансипации как первичного механизма, запускающего процессы личностной дезинтеграции деструктивной идентичности через преодоление алекситимии и телесных зажимов. Рассматривается специфика контингента, характеризующаяся редукцией символической функции сознания и сопротивлением вербальным методам воздействия. Раскрываются механизмы формирования рефлексивного «зеркала» и децентрации посредством методов этюда, маски, документального театра (вербатим) и «Театра форум» Августо Боалья, позволяющих перевести абстрактные гуманистические нормы из области знания в плоскость практического действия. Особое внимание уделяется дифференциации подлинной личностной трансформации от феномена симулятивной эмансипации (формирования «ложного Я») в условиях тотального института. В

заклучении формулируется ключевое условие терапевтического эффекта — автономность театрального пространства как «свободной зоны», позволяющей реконструировать личностные границы и выстроить горизонтальные коммуникативные связи в противовес вертикали криминальной иерархии.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Ноздрина Н.А., Слабкая Д.Н. Театральная педагогика как средство ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 86-95. DOI: 10.34670/AR.2026.78.48.010

Ключевые слова

Театральная педагогика, несовершеннолетние осужденные, криминальная субкультура, эмоциональная эмансипация, алекситимия, ресоциализация, метод этюда, Театр форум, вербатим, децентрация, симулятивная эмансипация, рефлексия, автономность пространства, тотальный институт.

Введение

В контексте применения театральной педагогики в работе с лицами, вовлеченными в криминальную субкультуру, ключевое значение приобретает аспект эмоциональной эмансипации, который выступает в роли первичного механизма, запускающего процессы личностной и социальной дезинтеграции деструктивной идентичности. Криминальная субкультура функционирует на основе ограничений аффективной сферы, где эмоциональная экспрессия подчинена иерархии и кодифицирована. В этой парадигме субъект утрачивает способность к дифференциации собственных эмоциональных состояний, что приводит к алекситимии — когнитивно-аффективному диссонансу, блокирующему рефлексию.

Театральная педагогика, в частности метод этюда и работа с маской, предлагает технологию «безопасного легализованного переживания». В отличие от вербальной психотерапии, наталкивающейся на мощное сопротивление ригидных защитных механизмов, театральный метод действует через опосредование: актерская маска или предложенное обстоятельство этюда создают феномен «двойного бытия», где эмоция переживается не как личное признание слабости, а как часть художественной задачи. Это позволяет осуществить рекатегоризацию аффекта — трансформировать деструктивные импульсы (гнев, страх) в материал для ролевого действия, наделяя их формой и смыслом.

Более того, групповая природа театрального акта создает условия для социальной перцепции: участник не только легализует собственные чувства, но и наблюдает эмоциональные проявления других, что способствует восстановлению нарушенной эмпатии. Таким образом, эмоциональная эмансипация в рамках театральной педагогики выступает не как хаотическое растормаживание аффекта, а как структурированный процесс перевода имплицитного телесно-аффективного опыта в эксплицитную знаковую систему, доступную для рефлексии и последующей интеграции в просоциальную идентичность. Данный процесс является необходимым условием для последующего восстановления социальных связей, ибо лишь обретя способность к аутентичному эмоциональному диалогу с собой, субъект обретает возможность выстраивания горизонтальных коммуникативных связей, разрушающих вертикаль криминальной иерархии.

Основное содержание

В рамках анализа специфики контингента несовершеннолетних осужденных ключевым препятствием для педагогического воздействия выступает феномен **редукции символической функции сознания**, обусловленный доминированием конкретно-ситуативного мышления над рефлексивными процессами. Для данного контингента характерна глубокая деформация механизмов означивания, при которой абстрактные гуманистические категории, транслируемые посредством вербальных методов, не интериоризируются, а воспринимаются как чуждые, семантически пустые конструкции. Традиционная лекция или беседа наталкиваются на непреодолимый барьер: слово педагога, лишённое телесной и образной основы, не находит коррелята в субъективном опыте воспитанника, чья когнитивная сфера гипертрофированно привязана к жестким, ритуализированным нормам криминальной субкультуры, где «слово» является инструментом иерархического давления, а не коммуникации.

Театральная педагогика в данном контексте преодолевает указанный разрыв благодаря апелляции к **перцептивно-моторному уровню** организации опыта. Метод физического действия, работа с маской и пластический этюд позволяют обойти вербальные защиты, характерные для подростков с алекситимией. Если когнитивный уровень заблокирован ригидными установками, то уровень телесной импровизации оказывается более лабильным. Участие в этюде требует от воспитанника не моральной рефлексии, на которую он не способен в силу искаженной нормативности, а решения конкретной двигательной задачи в предлагаемых обстоятельствах. В процессе этого решения неизбежно возникает ситуация морального выбора, но она предъясняется не в форме абстрактной дидактики, а в форме имманентного противоречия самой игровой ситуации.

Кроме того, травматический опыт, составляющий базовую структуру биографии большинства несовершеннолетних осужденных, консервируется в телесных зажимах и непрожитых аффектах. Театральный метод, в отличие от вербальной интервенции, предоставляет возможность «обходного пути»: работа с образом позволяет опосредованно, через персонажа, легализовать вытесненный травматический материал. Происходит сублимация деструктивного импульса в художественную форму, где агрессия получает безопасную разрядку и, что принципиально важно, впервые становится доступной для внешнего наблюдения и последующего обсуждения. Таким образом, театральная педагогика реализует принцип «от действия к осознанию», что является единственно продуктивной траекторией для аудитории с дефицитарной рефлексией и глубоко укорененными защитными механизмами.

Обращение к феномену формирования «зеркала» в рамках театральной педагогики с несовершеннолетними осужденными представляет собой наиболее сложный и концептуально значимый аспект реабилитационного воздействия, поскольку именно он непосредственно затрагивает механизмы деформации идентичности и запускает процесс критической рефлексии. Специфика криминальной субкультуры заключается в создании ригидной бинарной системы идентификации, где субъект конституирует себя исключительно через оппозицию «свой — чужой», а рефлексивная способность подменяется усвоенными ритуалами доминирования или подчинения. В этой парадигме нарратив «я жертва обстоятельств» выполняет защитную функцию, экстернализируя ответственность и блокируя доступ к болезненным аффектам, тогда как нарратив «я крутой преступник» служит компенсаторной конструкцией, позволяющей обрести иллюзорную субъектность в условиях тотальной институциональной депривации. Оба

нарратива, будучи противоположными по знаку, сходятся в отсутствии подлинной рефлексии и неспособности к децентрации.

Театральный метод, в отличие от традиционных исправительных практик, предлагает технологию объективации самости. Видеозапись репетиций и последующий просмотр выполняют функцию внешнего зеркала, вырывающего подростка из плена ситуативной идентичности. Впервые он получает возможность воспринять собственную телесность, интонацию и пластический рисунок со стороны, что создает когнитивный диссонанс между укорененным самообразом и объективным визуальным рядом. Этот разрыв является необходимым условием для запуска рефлексии: субъект сталкивается с несоответствием между интенциональным образом («каким я себя ощущаю») и феноменальным проявлением («каким меня видят другие»). Однако ключевое значение имеет не только пассивное наблюдение, но и активное присвоение роли «Другого». В процессе подготовки спектакля воспитанник обречен, в силу требований художественной целостности, войти во внутренний мир персонажа, чей социальный статус, ценностная система и аффективный опыт могут радикально отличаться от его собственных. Это не абстрактное морализаторство, а конкретная актерская задача, требующая мобилизации эмпатических способностей.

Примечательно, что наиболее значимым терапевтически эффективным оказывается не столько исполнение роли положительного героя, сколько воплощение роли, занимающей позицию жертвы или представителя институциональной власти (судьи, следователя, потерпевшего). В первом случае подросток получает доступ к переживанию уязвимости, которая в криминальной субкультуре табуирована и вытеснена; во втором — он присваивает перспективу легитимного носителя социальных норм, что позволяет преодолеть аффективную фиксацию на образе «врага». В обоих случаях происходит то, что в феноменологической психологии обозначается как аппрезентация чужого сознания: субъект начинает усматривать в Другом не функцию (объект для доминирования или источник угрозы), а самодостаточную субъективность, обладающую собственной мотивацией и правом на аффект.

Запущенный таким образом механизм децентрации имеет долгосрочные последствия, выходящие за рамки эстетического опыта. Формирование способности к рефлексивной позиции позволяет осуществить пересмотр автобиографического нарратива: из фаталистического сценария, где субъект является игрушкой обстоятельств или носителем романтизированной криминальной идентичности, он трансформируется в пространство возможностей, где поступки предстают результатом выбора, а следовательно, могут быть переоценены. Именно эта переоценка, совершенная не под давлением внешнего авторитета, а как инсайт, рожденный из собственного художественного опыта, создает предпосылки для устойчивой личностной трансформации.

В рамках заявленных методов наиболее концептуально значимым представляется анализ «Театра форум» Августо Боалья, поскольку данная технология напрямую адресована ключевому дефициту несовершеннолетних осужденных — отсутствию поведенческих альтернатив в критических жизненных ситуациях. В отличие от традиционного театра, предполагающего пассивную зрительскую позицию, форум-театр конструирует пространство «активной зрительской позиции», где воспитанник получает возможность не только идентифицировать конфликтную ситуацию, но и непосредственно апробировать различные стратегии поведения. Это имеет принципиальное значение для контингента, чьи поведенческие паттерны детерминированы нормами криминальной субкультуры. Возможность остановить действие и предложить альтернативную линию поведения создает условия для когнитивного

моделирования, при котором абстрактное знание о законопослушном поведении переводится в плоскость практического действия. При этом групповая природа метода способствует коллективному поиску решений, что позволяет участнику сохранить «лицо» в глазах референтной группы, избегая прямого дидактического давления. Таким образом, театр выступает не столько как художественная практика, сколько как репетиция просоциального поведения в условиях, приближенных к реальности воспитанника.

В контексте работы с несовершеннолетними осужденными метод документального театра обладает уникальным терапевтическим потенциалом, обусловленным феноменом опосредованной аутентичности. Для данного контингента характерна глубокая травматизация, при которой прямая вербализация личного опыта блокируется защитными механизмами, тогда как рассказ о чужой, но типологически сходной истории создает безопасную дистанцию. Воспитанник, записывая интервью или воспроизводя чужой монолог, присваивает травматический нарратив через призму персонажа, что позволяет осуществить легализацию вытесненного аффекта без утраты чувства безопасности. Этот механизм «отчужденного присвоения» принципиально важен: субъект получает возможность проговаривать вслух то, что в криминальной субкультуре табуировано (стыд, страх, сожаление), но атрибутирует эти переживания другому лицу, постепенно интегрируя их в собственную эмоциональную картину мира [O'Connor, Mullen, 2011; Prendergast, Saxton, Kandil, 2024; Ryan, 1976; Taylor et al., 2010]. Социально-педагогическая драма, напротив, ориентирована не на ретроспективную работу с травмой, а на проспективное моделирование ситуаций ресоциализации. Ее специфика заключается в том, что воспитанник репетирует социальные роли, которые в ближайшем будущем станут для него жизненно необходимыми, но в настоящее время вызывают тревогу вследствие дефицита релевантного опыта. В отличие от ролевой игры в психотренинге, драматургическая структура позволяет прожить эти ситуации в их временной протяженности и эмоциональной полноте, выявляя латентные конфликты и отработывая стратегии их разрешения.

Наиболее сложными и концептуально значимым риском применения театральной педагогики в пенитенциарной системе выступает феномен симулятивной эмансипации, при котором театральная форма превращается из инструмента подлинной личностной трансформации в механизм освоения репрезентационных стратегий, направленных на достижение институциональных благ, в частности условно-досрочного освобождения. Данный риск коренится в самой природе исправительного учреждения как тотального института, где любая активность осужденного неизбежно вписана в контекст властных отношений и подлежит оценке со стороны администрации. В этих условиях театральная деятельность, декларирующая ценности свободы самовыражения и аутентичности, может быть редуцирована до очередного «социального лифта», где подросток усваивает не рефлексивные способности и эмпатические практики, а внешние паттерны «исправившегося» поведения, необходимые для положительной характеристики.

С точки зрения психоаналитической перспективы, данный феномен описывается как формирование «ложного Я», комплаентной структуры, ориентированной на удовлетворение ожиданий значимого Другого. Подросток, обладающий гипертрофированной чувствительностью к иерархическим отношениям, усвоенной в криминальной субкультуре, декодирует требования системы и использует театральную площадку для демонстрации требуемой идентичности. Успешность такой симуляции может быть тем выше, чем более талантлив участник в актерском отношении, — способность к перевоплощению, которая в

терапевтическом контексте служит инструментом расширения субъектного опыта, в институциональном контексте оборачивается совершенствованием навыков манипуляции впечатлением.

Различение подлинной эмансипации и ее симулякра требует введения в программу критериев, выходящих за рамки внешней поведенческой компетенции. Ключевым дифференцирующим признаком выступает наличие рефлексивной дистанции по отношению к исполняемой роли. Подлинная эмансипация предполагает, что субъект осознает различие между сценическим образом и собственным Я, сохраняя способность к критической рефлексии и интеграции присвоенного опыта. Напротив, симулятивная стратегия характеризуется слиянием с социально одобряемой ролью без внутреннего присвоения ее ценностного содержания. Предотвращение данного риска требует отказа от использования театральной деятельности как инструмента оценки осужденного со стороны администрации; необходимым условием выступает наличие психологического сопровождения, ориентированного не на внешнюю результативность, а на процессуальные изменения — динамику рефлексивных способностей, легализацию амбивалентных чувств, появление спонтанности в противовес заученным социальным паттернам. Только при условии автономии театральной практики от институциональных механизмов контроля она может сохранить свой эмансипаторный потенциал.

Сравнительный анализ традиционной педагогической коцепции и театральной педагогики в контексте работы с несовершеннолетними осужденными выявляет принципиальные различия на уровне базовых антропологических установок и механизмов трансляции социальных норм. Традиционная модель, реализуемая преимущественно через лекционные формы и систему запретов, конституирует воспитанника как объект педагогического воздействия, что неизбежно воспроизводит иерархическую логику, характерную для пенитенциарной системы в целом. Коммуникация здесь строится преимущественно по слуховому каналу, причем монологическая форма назидания предполагает пассивную позицию адресата. Ошибка в данной парадигме квалифицируется как нарушение, влекущее наказание, что закрепляет экстернальный локус контроля и не способствует формированию устойчивой мотивации к просоциальному поведению. Результатом становится знание нормы, которое может существовать в когнитивной сфере, не интериоризуясь на уровне ценностно-смысловой структуры личности [Davey, Day, Balfour, 2015; Lucas, 2020; McAvinchey, 2018].

Театральная педагогика предлагает принципиально иную конфигурацию: воспитанник занимает позицию субъекта творческой деятельности, автора собственного художественного высказывания, что создает условия для переживания агентности — опыта личной эффективности, столь дефицитарного в условиях тотального института. Задействование кинестетического и визуального каналов наряду с эмоциональной сферой позволяет обойти ригидные вербальные защиты, характерные для данного контингента. Отношение к ошибке как к репетиционному моменту, предполагающему возможность многократного повторения и коррекции, снимает страх неудачи и создает безопасное пространство для экспериментирования с новыми поведенческими паттернами. Критически значимым является трансформация иерархических отношений: педагог выступает не в роли надзирателя, оценивающего соответствие нормам, а в роли режиссера-партнера, чей авторитет основывается на профессиональной компетентности и способности к сотворчеству. В результате воспитанник присваивает социальную норму не на уровне абстрактного знания, а через непосредственное проживание в действии, что создает предпосылки для устойчивых личностных изменений [Balfour, 2004].

Заключение

В системе условий, обеспечивающих эффективность театральной педагогики в работе с несовершеннолетними осужденными, ключевое значение приобретает требование **автономности пространства**, которое в контексте тотального института приобретает не столько технический, сколько экзистенциальный характер. Пенитенциарное учреждение функционирует на основе принципов регламентации, где каждый пространственный сегмент маркирован режимными предписаниями и пронизан отношениями власти-подчинения. В этой семиотической системе у воспитанника отсутствует опыт нахождения в среде, где правила устанавливаются не внешней инстанцией, а внутренней логикой совместной деятельности, где социальные роли не предписаны статусом, а конструируются ситуативно и добровольно. Репетиционное пространство, обретающее статус «свободной зоны», выполняет функцию феноменологического анклава, в котором приостанавливается действие институциональных норм и актуализируются иные регуляторы — художественная целесообразность, взаимная ответственность перед партнерами по сцене, уважение к творческому результату.

Автономность, однако, не тождественна изоляции от институционального контекста. Напротив, ее педагогическая ценность заключается в создании безопасного пространства для экспериментирования с идентичностью, которое одновременно сохраняет связь с реальностью. Воспитанник, переступая порог репетиционной зоны, получает возможность временно «снять» навязанные криминальной субкультурой и режимными требованиями маски, но делает это не в режиме анархического отказа от любых норм, а в режиме добровольного подчинения законам театрального ансамбля. В театральной группе формируются горизонтальные связи, базирующиеся на распределенной ответственности: успех спектакля зависит от каждого участника, что создает ситуацию взаимной зависимости.

Обеспечение автономности требует от педагога и администрации учреждения последовательной рефлексивной позиции. Границы «свободной зоны» должны быть обозначены и соблюдаться обеими сторонами: администрация не вторгается в творческий процесс с требованиями цензуры или использования театра в дисциплинарных целях; педагоги, в свою очередь, не используют репетиционное пространство для трансгрессивных выходов, которые могли бы спровоцировать конфликт с институциональными нормами и привести к закрытию проекта. Наиболее продуктивной представляется модель, при которой администрация делегирует педагогу полномочия по организации жизнедеятельности в репетиционной зоне, признавая ее особый статус и не распространяя на нее стандартные режимные требования в части коммуникации, передвижения и эмоционального самовыражения.

Библиография

1. Елагина А.С., Новиков А.В. Стратегии профилактики суицидального поведения в пенитенциарной системе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 92-98. DOI: 10.34670/AR.2025.95.93.011
2. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Влияние образа жизни на рецидивизм преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 168-177. DOI:10.34670/AR.2026.93.58.013
3. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Влияние последствий психологических травм на криминальное поведение женщин, освобождающихся из мест лишения свободы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 209-216. DOI: 10.34670/AR.2025.58.58.022

4. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Профилактика суицидального поведения в пенитенциарной системе: интеграция мировой практики и современные парадигмы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2025.86.70.023
5. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 159-167. DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012
6. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Системные противоречия оказания психологической помощи в пенитенциарной системе: трансформация подходов в международном контексте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 107-115. DOI: 10.34670/AR.2025.21.62.014
7. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Суицид в местах лишения свободы, как системный вызов: факторы риска и направления профилактики в пенитенциарных учреждениях Южной Америки // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 10А. С. 185-193. DOI: 10.34670/AR.2025.73.10.020
8. Balfour M. Theatre in prisons: Theory and practice. – Intellect, 2004.
9. Davey L., Day A., Balfour M. Performing desistance: how might theories of desistance from crime help us understand the possibilities of prison theatre? // International journal of offender therapy and comparative criminology. – 2015. – Т. 59. – №. 8. – С. 798-809.
10. Lucas A. E. Prison theatre and the global crisis of incarceration. – Bloomsbury Publishing, 2020.
11. McAviney C. Theatre and prison. – Bloomsbury Publishing, 2018.
12. O'Connor P., Mullen M. Prison Theatre: Letting the light in to disciplinary relationships // NJ. – 2011. – Т. 35. – №. 1. – С. 133-145.
13. Prendergast M., Saxton J., Kandil Y. (ed.). Applied theatre: International case studies and challenges for practice. – Intellect Books, 2024.
14. Puppa P., De Martino A. Theatre as Prison, Prison as Theatre // Differences on Stage. – 2013. – С. 68-76.
15. Ryan P. R. Theatre as prison therapy // The Drama Review. – 1976. – Т. 20. – №. 1. – С. 31-42.
16. Taylor J. et al. Performing new lives: prison theatre. – Jessica Kingsley Publishers, 2010.
17. Woodland S. The art of living in prison: A pragmatist aesthetic approach to participatory drama with women prisoners // Applied Theatre Research. – 2016. – Т. 4. – №. 3. – С. 223-236.

Theatrical Pedagogy as a Means of Resocialization of Juvenile Convicts

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Natal'ya A. Nozdrina

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines,
Bryansk State Technical University,
241035, 7, 50 Let Oktyabrya boulevard, Bryansk, Russian Federation;
e-mail: nozdrina.natalye@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article substantiates the application of theatrical pedagogy as an effective tool for the resocialization of juvenile convicts whose identity is deformed by the norms of criminal subculture. The author analyzes the phenomenon of emotional emancipation as a primary mechanism that triggers processes of personal disintegration of destructive identity through overcoming alexithymia and physical tensions. The specificity of the contingent, characterized by a reduction in the symbolic function of consciousness and resistance to verbal methods of influence, is examined. The mechanisms of forming a reflexive "mirror" and decentration through the methods of etude (sketch), mask, documentary theatre (verbatim), and Augusto Boal's "Theatre of the Oppressed" (Forum Theatre) are revealed, allowing the translation of abstract humanistic norms from the realm of knowledge into the plane of practical action. Special attention is paid to the differentiation of genuine personal transformation from the phenomenon of simulative emancipation (the formation of a "false self") in the conditions of a total institution. The conclusion formulates the key condition for the therapeutic effect — the autonomy of the theatrical space as a "free zone," allowing for the reconstruction of personal boundaries and the building of horizontal communicative ties as opposed to the verticality of the criminal hierarchy.

For citation

Novikov A.V., Nozdrina N.A., Slabkaya D.N. (2026) *Teatral'naya pedagogika kak sredstvo resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh* [Theatrical Pedagogy as a Means of Resocialization of Juvenile Convicts]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 86-95. DOI: 10.34670/AR.2026.78.48.010

Keywords

Theatrical pedagogy, juvenile convicts, criminal subculture, emotional emancipation, alexithymia, resocialization, etude method, Forum Theatre, verbatim, decentration, simulative emancipation, reflection, spatial autonomy, total institution.

References

1. Balfour, M. (2004). *Theatre in prisons: Theory and practice*. Intellect.
2. Davey, L., Day, A., & Balfour, M. (2015). Performing desistance: how might theories of desistance from crime help us understand the possibilities of prison theatre? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 59(8), 798–809.
3. Elagina, A.S., & Novikov, A.V. (2025). Strategii profilaktiki suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme [Strategies for preventing suicidal behaviour in the penitentiary system]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 92–98. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.95.93.011>
4. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Profilaktika suitsidal'nogo povedeniia v penitentsiarnoi sisteme: integratsiia mirovoi praktiki i sovremennye paradigmy [Suicide prevention in the penitentiary system: integration of global practices and contemporary paradigms]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology.

-
- Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(11A), 217–224. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.86.70.023>
5. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Sistematizatsiia psikhologicheskikh prediktorov retsidiva prestupnosti u zhenshchin [Systematization of psychological predictors of criminal recidivism in women]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(12A), 159–167. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.66.63.012>
 6. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Sistemnye protivorechiia okazaniia psikhologicheskoi pomoshchi v penitentsiarnoi sisteme: transformatsiia podkhodov v mezhdunarodnom kontekste [Systemic contradictions in the provision of psychological assistance in the penitentiary system: transformation of approaches in an international context]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(9A), 107–115. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.21.62.014>
 7. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Suitsid v mestakh lisheniia svobody, kak sistemnyi vyzov: faktory riska i napravleniia profilaktiki v penitentsiarnykh uchrezhdeniakh Iuzhnoi Ameriki [Suicide in places of detention as a systemic challenge: risk factors and directions for prevention in penitentiary institutions of South America]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(10A), 185–193. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.73.10.020>
 8. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Vliianie obraza zhizni na retsidivizm prestupnosti u zhenshchin [The influence of lifestyle on criminal recidivism in women]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(12A), 168–177. <https://doi.org/10.34670/AR.2026.93.58.013>
 9. Elagina, A.S., & Slabkaia, D.N. (2025). Vliianie posledstviia psikhologicheskikh travm na kriminal'noe povedenie zhenshchin, osvobozhdauiushchikhsia iz mest lisheniia svobody [The impact of the consequences of psychological trauma on the criminal behaviour of women being released from places of detention]. *Psikhologiiia. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniia* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Contemporary Research], 14(11A), 209–216. <https://doi.org/10.34670/AR.2025.58.58.022>
 10. Lucas, A.E. (2020). *Prison theatre and the global crisis of incarceration*. Bloomsbury Publishing.
 11. McAvinchey, C. (2018). *Theatre and prison*. Bloomsbury Publishing.
 12. O'Connor, P., & Mullen, M. (2011). Prison Theatre: Letting the light in to disciplinary relationships. *NJ*, 35(1), 133–145.
 13. Prendergast, M., Saxton, J., & Kandil, Y. (Eds.). (2024). *Applied theatre: International case studies and challenges for practice*. Intellect Books.
 14. Puppa, P., & De Martino, A. (2013). Theatre as Prison, Prison as Theatre. In *Differences on Stage* (pp. 68–76).
 15. Ryan, P.R. (1976). Theatre as prison therapy. *The Drama Review*, 20(1), 31–42.
 16. Taylor, J., et al. (2010). *Performing new lives: prison theatre*. Jessica Kingsley Publishers.
 17. Woodland, S. (2016). The art of living in prison: A pragmatist aesthetic approach to participatory drama with women prisoners. *Applied Theatre Research*, 4(3), 223–236.
-